УДК 821.161.1 DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.2.3
Научная статья

А. А. Смагина[1]
✉ smaginaanya@mail.ru
[1]Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Д. Л. Андреев — о визионерской сущности творчества Ф. М. Достоевского

Аннотация: В статье рассматривается вопрос понимания словесного и художественного дара Ф. М. Достоевского с позиции совмещения нескольких подходов к интерпретации творческого пути писателя. Проводится анализ с точки зрения специфической терминологии Д. Л. Андреева, в результате трактовки и сопоставления с литературоведческими фактами предпринята попытка объединения двух систем, что привело к выделению центрального понятия, характеризующего творчество Ф. М. Достоевского. Особое внимание уделяется трактовке авторских терминов Д. Л. Андреева, так, в статье приведено необходимое разграничение понятий «гений», «талант» и «вестничество», из которых последнее становится трактовкой сущности творчества писателя и метаисторической предпосылкой к возможности появления «детей» Достоевского. В процессе работы показаны совпадение концепции освобождения мира от зла («Роза мира») и тернистый путь расширения границ личности в зонах, ранее недоступных для словесного изображения («дети» Достоевского). Такая сущность является результатом некой созависимости, проявленной в работе личностного начала творца. Соотнесенность эсхатологии планетарного космоса Д. Л. Андреева с биографической фактологией в судьбе Ф. М. Достоевского, а также трудами литературоведов приводят к осознанию дозволенности посещения «бездны» последователями Достоевского и самим писателем. В результате исследования выделено центральное понятие, характеризующее творчество Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Роза мира, вестничество, дети Достоевского, метаистория, трансфизические странствия, бездна.

Дата поступления статьи: 5 декабря 2021 г.

Для цитирования: Смагина А. А. (2022). Д. Л. Андреев о визионерской сущности творчества Ф. М. Достоевского. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 2, с. 23–30. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.2.3.

Scientific article

A. A. Smagina[1]
✉ smaginaanya@mail.ru
[1]Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

D. Andreev about the visionary essence of F. M. Dostoevsky

Abstract: The article considers the question of understanding the verbal and artistic gift of F. M. Dostoevsky from the position of combining several approaches to the interpretation of the creative path of the writer. The analysis is carried out from the point of view of D. Andreev's specific terminology; as a result of interpretation and comparison with literary facts, an attempt is made to combine the two systems, and it led to the identification of the central concept characterizing the work of F. M. Dostoevsky. Special attention is paid to the interpretation of the specific Andreev's terms. Thus, the article provides the necessary distinction between the concepts of "genius", "talent" and "heraldism"; the latter becomes an interpretation of the essence of the writer's creativity and a metahistorical prerequisite for the possibility of the appearance of Dostoevsky's "children". In the course of the work, the coincidence of the concept of the liberation of the world from evil ("The Rose of the World") and thorny ways of expanding the boundaries of personality in areas previously inaccessible to verbal representation (Dostoevsky's "children") is shown. Such an entity is the result of the work of a certain codependency, manifested in the work of the personal principle of the creator. The correlation of the estachology of the planetary cosmos of D. Andreev with the biographical factology in the fate of F. M. Dostoevsky, as well as the works of literary critics, lead to the realization of the permissibility of visiting the "abyss" by Dostoevsky's followers and the writer himself. As a result of the research, the central concept characterizing the work of F.M. Dostoevsky is highlighted.

Keywords: The Rose of the World, the herald, Dostoevsky's children, metahistory, transphysical wanderings, the abyss.

Paper submitted: December 5, 2021.

For citation: Smagina A. A. (2022) D. Andreev about the visionary essence of F. M. Dostoevsky. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16, no. 2, pp. 23–30 DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.2.3.

© А. А. Смагина, 2022

Введение

Д. Л. Андреев оставил для потомков феноменальный труд под названием «Роза мира», осознать масштаб и сущность которого в полной мере не представляется возможным даже в настоящее время. Это уникальный для русской литературы образец описания визионерского опыта в художественном тексте в соотношении дискурсов философского, этического, религиозного, эсхатологического и политического характера, умело переплетенных между собой. Вопрос о принадлежности к художественной литературе уже решен А. С. Игнатьевой в диссертации «Д. Андреев в процессе обновления русского реализма XX века», в то время как работа над жанровой характеристикой текста еще представляется перспективным направлением (Игнатьева, 1998). Действительно, параллели с феноменами мировой литературы очевидны.

Так, «трансфизические» странствия Д. Л. Андреева по брамфатуре (в терминологии Д. Л. Андреева — система разноматериальных слоев отдельного планетарного тела) и Шаданакару (в терминологии Д. Л. Андреева — название брамфатуры нашей планеты), которые представлены в «Розе мира», можно сравнить с путешествием Данте в «Божественной комедии». Конечно, структуры описываемых миров сходны и различны между собой в таком количестве, в котором проявляют себя сходства и различия мировоззрения средневекового и современного нам человека. Не углубляясь в тему сравнения двух произведений, упомянем лишь важный элемент, присутствующий в обоих текстах, на котором акцентировал внимание сам Д. Л. Андреев,— это наличие проводника. В «Божественной комедии» им был Вергилий — любимый поэт Данте, в «Розе мира» представлен ряд возможных проводников в сновидениях и инфрафизических порывах и их функциях. Д. Л. Андреев называет несколько имен: М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, М. А. Врубель и А. А. Блок. Автор не только очарован художниками, но и видит в творчестве каждого из них разные этапы метаистории России, где начиная с XVII в. происходит духовный разлад.

В понятии рассредоточения духовных сил, рассогласования художественного и изобразительного дара с даром созерцания тонких материй, сверхчувственного автор «Розы мира» заключает сущность творцов разного рода: гения, таланта и вестника. Цель работы — интерпретировать словесный и художественный дар Ф. М. Достоевского с позиции совмещения эсхатологического подхода к пониманию планетарного космоса Д. Л. Андреева с литературоведческими фактами для выделения центрального понятия, характеризующего творчество Ф. М. Достоевского.

Методы

Материалом для данного исследования стала авторская концепция разграничения дара художников, описанная в «Розе мира», и биография Ф. М. Достоевского. Методология трактовки произведений писателя опирается на работы таких исследователей, как М. В. Заваркина (Заваркина, 2020), Е. В. Киричук (Киричук, 2018), В. П. Полонский (Полонский, 1926), С. Д. Снигирева (Снигирева, 2019), А. А. Струк (Струк, 2019), С. Г. Сычева (Сычева, Иванов, 2010). Для достижения цели исследования использованы общенаучные методы наблюдения над материалом и описания, а также сравнительный метод и метод биографического анализа.

Результаты

Размышлениям о разграничении трех духовных явлений (гения, таланта и вестника) посвящена десятая книга «Розы мира» под названием «К метаистории русской культуры». Имя Ф. М. Достоевского возникает уже с первых ее строк, но подойти к глубокому анализу его творчества в метаисторическом плане Д. Л. Андрееву представляется возможным только после пространного объяснения сути дара вестничества, многочисленных примеров из русской и зарубежной литературы.

Появление вестников Д. Л. Андреев связывает с оскудением духовных рек Российской империи XVIII в. В то время становится меньше крупных религиозных деятелей, чем наблюдалось в предыдущие века, а уже в XIX в. представляется возможным лишь перечислить нескольких человек, чистых и высоких пастырей душ: Серафим Саровский, Феофан Затворник, Амвросий и Макарий Оптинские. Но и они лишь уподобляются образам тех святых, которыми богата была русская земля

в предыдущие столетия. В предреволюционную эпоху в списке праведников и проводителей душ становится «пустынно» — это последствие творческого оскудения православия. Такое положение дел становится предпосылкой, наряду с некоторыми другими (быстрая смена эпох, измельчение масштабов личности), для смены парадигмы самосознания русской церкви. Она стала считать себя хранительницей истин. Но из-за исторических особенностей, под которыми Д. Л. Андреев, скорее всего, подразумевает демократизацию общества и отношение советской власти к религии в дальнейшей метаистории России, а также из-за небезупречной жизни пастырей авторитет церкви неизбежно падает. Это время знаменуется созданием новой инстанции, которая должна была показывать духовный путь общества. Такой инстанцией стало вестничество.

Необходимо заметить отсутствие соперничества между церковью и вестничеством в метаисторическом контексте описания пути развития человеческой части планетарного космоса у Д. Л. Андреева. В земной системе, объединенной общностью процессов (в терминологии Д. Л. Андреева — брамфатуре), церкви и религии уделено особое значение и место. Говоря о целях и задачах новой религии — Розы мира — писатель поясняет необходимость создания метарелигии, которая долна включить в себя все возможные для существования объекты и явления действительности, отбросив при этом элементы «левого толка». К ним можно отнести такие противоречия, вскрывающиеся при сопоставлении нескольких религиозных учений, которые неправомерно абсолютизируют какой-либо тезис или неправомерно отрицают то, о чем в собственном положительном опыте не имеют никаких данных. Задача метарелигии Розы мира — в том, чтобы освободить религии от излишней детализации и одухотворить человека.

Задача искусства, согласно Д. Л. Андрееву, кроется в жажде познания, не имеющей с наукой общих черт. В центре любого творчества заключена любовь, и если творчество понимать как любовь всеобъемлющую, в том числе любовь к самой сущности человека, то творчество — это любовная жажда познать свое я, деятельным способом расширить границы лучшей версии самого себя. Искусство нового времени — метареализм, сквозящая реальность. Отсюда — те, в чьем творчестве соединяются одухотворенность, стремление к самопознанию и метареализм,— вестники, предрекающие наступление новой реальности.

Мысль Д. Л. Андреева о месте вестничества в мире художественного воздействия на человека совпадает с мыслью Ф. М. Достоевского о религии и искусстве в сохранившихся набросках статьи «Социализм и Христианство». Анализируя эту разработку, исследователи обнаружили анахронизм, рассмотренный под философским и художественным контекстом и включенный в границы наброска статьи. Это размышление писателя о тщетном желании социалистов переродить человека, освободив его от Бога и семейства с помощью оружия. Ф. М. Достоевский уверен: невозможно найти спасение во внешних факторах, для изменений необходимо нравственное перерождение (Заваркина, 2020). В исследовании замысла «Писем об искусстве» также находим прочную связь творчества с религией: «...для Достоевского искусство вне христианства как бы не справляется с своей задачей <...> оно не может раскрыть своих крыльев без христианства», и «назначение христианства в искусстве» должно было бы очевидно в том и состоять, чтобы «“помочь” искусству» (Заваркина, 2020, с. 69–97).

Добиваясь кристальной терминологической четкости в степени одаренности художника словесного и музыкального образа, Д. Л. Андреев тратит несколько десятков страниц. Они посвящены трем ипостасям, трем степеням одаренности художника: гению, таланту, вестничеству. Для понимания сущности дара каждого отдельного художника необходимо разграничивать эти термины, но Ф. М. Достоевского Д. Л. Андреев упоминает во всех трех ипостасях. Но даже эти пространные размышления о границах понятий гениальности, таланта и дара вестничества представляются читателю в качестве подготовительного этапа к восприятию если не личной одаренности писателя, то силы творчества Ф. М. Достоевского.

Такое отношение Д. Л. Андреева объясняется его особым трепетом перед произведениями великого писателя. Именно Ф. М. Достоевского Д. Л. Андреев считал первым из величайших гениев русской литературы. Д. Л. Андреев чувствовал Ф. М. Достоевского. Замечателен эпизод поступления юного Даниила в институт, когда на вопрос о том, в какое время года Раскольников убил старуху-

процентщицу, Андреев ответил так, что экзаменовать его больше не стали. Книги Ф. М. Достоевского он перечитывал постоянно, а также читал все книги о нем, какие только попадались на глаза.

Однако на страницах «Розы мира» Ф. М. Достоевский назван первым гением России не из одной только любви. Проникнув в сущность разного рода одаренности, Д. Л. Андреев называет ряд художественных гениев XIX в.— в нем Ф. М. Достоевский в ряду с Ф. И. Тютчевым, Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, М. П. Мусоргским, П. И. Чайковским, В. И. Суриковым, М. А. Врубелем и А. А. Блоком. При этом художественная одаренность остальных при пристальном рассмотрении может оказаться лишь талантом, лишенным гениальности, либо гениальностью, лишенной миссии. В свою очередь, талант и гениальность могут быть свободны от изображения высшей реальности, способности возвещать. Этим и отличается одаренность Достоевского, его дар глубже. Он находится на качественно другом уровне. Здесь Д. Л. Андреев имеет в виду то духовное противоречие, свойственное эпохе и переданное в качестве навязчивой мысли всем тонко чувствующим художникам того времени.

«Есть гении, свой человеческий образ творящие, и есть гении, свой человеческий образ разрушающие. Первые из них, пройдя в молодые годы свои через всякого рода спуски и срывы, этим обогащают опыт души и в пору зрелости постепенно освобождаются от тяготения вниз и вспять, изживают тенденцию саморазрушения, чтобы в старости явить собой образ личности все более и более гармонизирующейся, претворившей память о своих падениях в мудрость познания добра и зла. Это — Данте, Леонардо, Сервантес, Гете, Вагнер, а у нас — Достоевский» (Андреев, 2020, с. 559).

В связи с приведенной цитатой является значимой тенденция к восприятию творчества Ф. М. Достоевского в публицистической среде дальневосточной эмиграции, выделенная А. А. Струк. Если в советском литературоведении сложилась традиция воспринимать социальную проблематику произведений Ф. М. Достоевского, то для дальневосточной эмиграции интересна была другая сторона: «религиозный и философский, «историософский» взгляд Достоевского, его «тайновидение души человеческой». Для этой критики характерны попытки анализа «мистического» дара писателя, Достоевский описывается как «пророк» (Струк, 2019).

Оговариваясь, что духовное противоречие индивидуально, глубоко, исключительно и всегда таинственно, автор говорит и об эпохальных событиях, неизбежно накладываемых на личность и быт. Таким образом, можно понять, что автор имеет в виду противоречие между тем образом сверхчувственного, который постигает гений, и реальными возможностями эпохи, в которой ему приходится творить и с которой приходится сосуществовать.

Такой гений, наделенный талантом и сталкивающийся с внутренним противоречием мистического, провиденциального характера, свойственного его дарованию, является вестником. В отдельных случаях, например в случае Ф. М. Достоевского, его личность не нашла подобного противоречия в земной жизни. Так, карьера литератора задалась уже с первого завершенного романа (Достоевский, 1972, т. 1), который еще до публикации сделал писателя знаменитым: рукопись высоко оценил В. Г. Белинский, радушно принявший в свой кружок «нового Гоголя». Высокую оценку первых произведений дал также и В. Н. Майков (Майков, 1985), что явилось косвенной причиной вступления молодого литератора в литературно-философский кружок Бекетовых (Сараскина, 2013). Единственный конфликт, будоражащий ум Ф. М. Достоевского,— это скорее избыток замыслов и сюжетов, чем недостаток материала, как это бывает с молодыми писателями. Будучи мастером изображения конфликта ирреального, идеологического, сверхчувственного с пошлой реальностью, бытом, эпохой, а также глубоким знатоком тысяч и тысяч других конфликтов, безусловно, Ф. М. Достоевский является вестником.

Вестничество на русской литературной почве стоит особняком по отношению ко всей мировой литературе. Ни в одной другой литературе нет глубокого и трагичного осознания того духовного факта, что вестнику недостаточно быть великим художником. Славянофилы, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский — яркие примеры синтеза религиозно-этического и художественного служения. Образ пушкинского пророка, не воспринятый и дополненный рациональным восприятием идеального пророческого дара, а созданный под действием Провиденциальных сил как отпор химерам и темным даймонам (в терминологии Д. Л. Андреева — некие существа, обитающие в разноma-

терных слоях и имеющем гораздо большее количество пространственных и временных координат; даймоны могут влиять на некоторые элементы этих слоев).

Погружаясь в иррациональные конфликты, творя свой человеческий образ, Достоевский способен увидеть обе стороны Энрофа: «бездны горнего мира и бездны слоёв демонических» (Андреев, 2020). Примечательно, что понятие бездны для характеристики границ духовного мира Ф. М. Достоевского в своих трудах использовал и Л. И. Шестов: «...заглянуть в бездну означает попытаться встать на опасный путь познания себя и поисков Бога» (Киричук, 2018, с. 65). Из ряда персонажей, заглядывающих в бездну, конечно же, выделяется Ставрогин (Достоевский, 1974, т. 10) — обворожительный демон, прототипом которого был петрашевец Николай Спешнев, которого Ф. М. Достоевский с любовью называл своим Мефистофелем (Полонский, 1926).

Способность погружаться в «иноматерные» слои зависит от самой личности настолько, насколько зависит и от крылатого даймона, то есть просматривается созависимость личностного начала и даймонической потенции. Говоря простыми словами, такая созависимость проявляется в том, что любая личность имеет свою кармическую связь с метапрообразами, рожденными в его сознании, и ответственность за их судьбу. Роль даймона в работе над Ф. М. Достоевским заключается в развитии способности к пониманию других человеческих душ, на языке литературоведения — мастерстве психологического конфликта.

Д. Л. Андреев убежден, что, подобно Вергилию для Данте, Ф. М. Достоевский ведет читателя в самый смрад человеческой души, неистовую черноту, показывая каждого беса и не пропуская ни одного уголка темной стороны. В этом читается один из законов масштаба, сформулированных Д. Л. Андреевым в «Розе мира»: «...становящаяся монада делается тем более великой, чем глубже были спуски, которые ею совершены, и страдания, которые пережиты» (Андреев, 2020, с. 595). Так, в понимании не столько литературного, сколько вестнического характера образов, созданных Достоевским, совершается новое открытие. Лейтмотивом всех произведений Ф. М. Достоевского является все более глубокий интерферальный спуск героя к губительным страстям и темным сторонам души. Именно за счет интерферальности таких спусков ответственность персонажа за содеянное не может быть снята. Степень разрушительности содеянного для себя или общества позволяет иррационально почувствовать масштаб — это значит, что, понимая глубину темных кругов, пройденных героем, читатель осознает грандиозный опыт и степень подъема будущей личности.

Такая интерпретация духовных странствий персонажа и читателя становится симптоматичной в связи с мыслью В. И. Иванова, выраженной в книге «Достоевский. Трагедия — миф — мистика», предполагающей присутствие Ф. М. Достоевского, зажигающего путеводные звезды судеб, в нашем мире и по сей день (Иванов, 1987). Называя писателя «русским Шекспиром», а его романы — «романами-трагедиями» (Иванов, 1987), В. И. Иванов утверждает, что религиозное чувство Ф. М. Достоевского можно сопоставить с дилеммой: «быть или не быть», веровать или не веровать, жить с Богом и в Боге, или вне Его (Сычева, 2010).

Исследователь С. Г. Сычева вслед за В. И. Ивановым отмечает эмпирический и метафизический уровень развертывания событий в романах Ф. М. Достоевского, где эмпирика — преступление, а метафизика — свободный выбор между добром и злом и проникновение одной души в другую посредством чистой любви «я» к духовной сущности другого человека (Сычева, 2010).

Герои Ф. М. Достоевского сложны, и пути их всегда тернисты. В соответствии с вышесказанным встает вопрос о роли художественного вымысла в создании конфликтов и личностей, попадающих в них, в произведениях писателя. Ответ находим в возможности созерцания тонкой материи творцов разного рода: если талант, лишенный гениальности, или гений, обделенный миссией, выдумывают, буквально вырисовывают характеры и ситуации красками жизненного опыта, то художник-вестник, каким является Ф. М. Достоевский, на инфрафизическом уровне ощущает и полностью понимает опыт души, некогда бывшей или имеющей потенцию родиться. Писатель буквально «рождает» своих героев — Д. Л. Андреев называет их «детьми Достоевского». Как каждый родитель не может не передать свой биологический код дитяти, так и художник-вестник не может выдумать образ без опоры на свой дар — проявление созависимости личностного и даймонического. Как каждый роди-

тель несет ответственность за своих чад, так писатель-вестник поручает свои героям путешествие в страсти, грехи и кромешную тьму с целью «просветления духовным анализом самых тёмных и жутких слоёв психики» (Андреев, 2020, с. 597).

В психологическом плане герои Ф. М. Достоевского сводятся к нескольким функциональным характеристикам существ брамфатуры. Так, находим сходства между демоническими существами, излучающими похоть (Дуггур), слоем, где отбывают наказание те, кто совершил несколько убийств (Шим-биг), и космическим кладбищем Земли (Дно) в характере Ставрогина и Свидригайлова. В характере Петра Верховенского — функции, предназначенные для области российской метакультуры и ядра системы Шаданакра, где обитают демоны (Друккарг и Гашшарва). Великий Инквизитор выполняет функции слоя грядущей антицеркви Антихриста (Гашшарва и Цебрумр). Образ Хромоножки похож на образ великого существа, принимающего участие в творении слоев (Мать-Земля). Кроме того, некоторые герои Ф. М. Достоевского наделены способностью видеть слои и путешествовать сквозь них, отсюда особое поведение, строение психики и логика поступков Мышкина (Достоевский, 1973, т. 8), Алеши Карамазова, старца Зосимы (Достоевский, 2020, т. 1), навеянные полузабытыми странствиями по высоким слоям. Иван Карамазов — особый сын Ф. М. Достоевского, наделенный способностью путешествовать по мирам как восходящего, так и нисходящего ряда. Кроме того, в отдельных главах, к примеру в главе «Кана Галилейская» в «Братьях Карамазовых»,— явно прослеживается воспоминание Ф. М. Достоевского о Небесной России, навеянное приоткрытыми духовными клапанами восприятия провиденциального (Достоевский, 2020, т. 1).

Отметим, что рассмотрение сущности божественных и дьявольских образов и элементов в судьбе России находим и у В. И. Иванова в статье «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» и книге «Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика» (Иванов, 1917; Иванов, 1987).

Стоит заметить, что тонкости такого рода могут увидеть лишь читатели особого толка. Так, для читателей, не имеющих приоткрытых органов сознания и не осознающих многослойность брамфатуры, метаисторическое, произведения Ф. М. Достоевского лишаются провиденциального смысла. Отсюда проистекают людские отзывы, сочувствующие героям и оправдывающие их. Естественно, человек с приоткрытыми духовными органами будет воспринимать больше, значительнее. Таким образом, Д. Л. Андреев делит восприятие творчества Ф. М. Достоевского на две ипостаси: художник-этик и художник-вестник. Обе ипостаси оправданны, не исключают друг друга и различаются только степенью и возможностью ощущения метаисторического у читателя. Так, Достоевский-этик пробуждает сострадание читателя к униженным и оскорбленным, падшим душам. Способность вызвать подлинное сострадание — признак величия художника слова, но она не является единственным фактором этого величия, т.е. ее одной недостаточно для восхождения на пантеон всемирной литературы. По мнению Д. Л. Андреева, только Достоевский-вестник достоин получить лавр литературного первенства. Его вестничество заключается в инфрафизическом изображении «Мирового Женственного Начала» на исторической почве современности: «Только искать веяние этого Начала нужно не в замутнённых, душевно искалеченных, внутренне потерявшихся, снижаемых собственной истеричностью образах Настасьи Филипповны или Катерины Ивановны. История Сони Мармеладовой и Раскольникова — это потрясающее свидетельство о том, как das Ewig Weibliche zieht uns heran» (Андреев, 2020, с. 596). Однако, по справедливому мнению Г. С. Померанца, в рассуждениях о Вечно Женственном, включенном в Троицу за счет слияния Святого Духа с Отцом, Д. Л. Андреев упускает «проникновенный ангелический» образ князя Мышкина как представителя мужского начала (Померанц, 1990). Это частая ошибка в понимании и трактовке текста Ф. М. Достоевского, так как на уровне Троицы нет разделения на мужское и женское.

Помимо прочего важного, обозначенного нами ранее, величие Ф. М. Достоевского как визионера, в понимании Д. Л. Андреева, заключается в потрясающем совпадении концепции освобождения мира от зла (Роза мира) и тернистых путей расширения границ личности в зонах, ранее недоступных для словесного изображения («дети» Достоевского). Поскольку герои произведений Ф. М. Достоевского смогли посетить самые темные инфрафизические слои, в дальнейшем возможно их просветление не только для одного живого существа, а для всей брамфатуры в целом: пока темные области

не изведаны, их невозможно просветлить. Никто из ранее живших художников не мог дотянуться в своем творчестве до тех глубин, которые посетили «дети» Ф. М. Достоевского.

Из аксиомы невозможности просветления неизведанных областей до их открытия вытекает не менее логичный довод — опыт «детей», рожденных совокупной работой даймона и талантом вестничества самого писателя, равен опыту художника, их создавшего. Без вмешательства провиденциального «дети» были бы лишь «героями» — сказками, фикциями, не привязанными к миру сквозящей реальности. Намеренный инфрафизический спуск Ф. М. Достоевского в словесном творчестве является обратной стороной дарованной даймоном возможности просветления темных пятен — обратной стороной страдания. По мнению Д. Л. Андреева, для вестника страдание необходимо. Так, симптоматичным становятся некоторые биографические элементы, сделавшие из Достоевского-человека и Достоевского-художника «великана»: «эпилепсия, аномальный облик его сексуальной сферы, безудержность и страстность его натуры, минуты его на эшафоте, пребывание его на каторге и даже, по-видимому, его бедность» (Андреев, 2020, с. 600).

Как замечает Д. Л. Андреев, последние годы земной жизни Ф. М. Достоевский освобождался от страданий и страстей, что означало наступление поры очищения. Он, познавший великие муки и великое очищение в своем посмертии, согласно автору «Розы мира», стал не только частью нашей метаистории, но и Вергилием для спящих, который может поднимать и опускать души в инфрафизических странствиях.

Выводы

Трансфизические странствия, которые с помощью Провиденциальных сил дали возможность почувствовать элементы метаистории человечества, помогли автору разграничивать поверхностное и сквозящее, видеть созидающих и разрушающих творцов метаистории. Преклонение Д. Л. Андреева перед величием Ф. М. Достоевского равно трепетному отношению к хрупкой тайне мироздания, нуждающейся в понимании и должном внимании. Сравнив Ф. М. Достоевского с художниками слова, провидцами, Д. Л. Андреев не находит другого слова, кроме слова «великий»,— великим можно назвать провиденциальный прижизненный и посмертный путь писателя-вестника. «Дети» Ф. М. Достоевского, оставаясь в веках, в новых поколениях, раз за разом совершают выбор между добром и злом — это акт неподдельной свободы человеческих души и разума. Сам же писатель сопровождает уже прошедшую свой круг испытаний душу человека в новые инфрафизические и иноматерные слои.

Можно предположить, что, обозначив ближайшие задачи Розы мира как гигантского духовного процесса воспитания человека «облагороженного образа» посредством достижения социальной гармонии, объединения разных религий в одно соцветие — в единый духовный цветок Розы Мира — и достижения гармонии между человеком и Природным началом, Д. Л. Андреев приступает к описанию тех прорывов сознания, которые послужили началом долгого духовного пути самого автора.

Источники

Андреев Д. Л. (2020) Роза мира. М., Изд-во АСТ, 896 с.
Белинский В. Г. (1982) Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. В кн.: Собрание сочинений. В 9 т. Т. 8. Статьи, рецензии и заметки: сентябрь 1845 – март 1848. Ред. Н. К. Гей, статья и прим. В. И. Кулешова. М., Художественная литература, с. 481–482.
Достоевский Ф. М. (1972) Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 1. Бедные люди. Повести и рассказы. 1846–1847. Ред. Г. М. Фридлендер, примеч. Т. И. Орнатской и Г. М. Фридлендера. Л., Наука, Ленингр. отд-е, 519 с.
Достоевский Ф. М. (1973) Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 8. Идиот. Роман. Текст подгот. И. А. Битюгова, Н. Н. Соломина. Л., Наука, Ленингр. отд-е, 511 с.
Достоевский Ф. М. (1974) Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 10. Бесы. Роман в 3 ч. Текст подгот. Н. Ф. Буданова. Л., Наука, Ленингр. отд-е, 518 с.
Достоевский Ф. М. (2020) Братья Карамазовы. В 2 т. М., Юрайт, т. 1, 493 с.
Иванов В. И. (1987) Собр. соч. В 6 т. Т. IV. Брюссель, Foyer oriental Chretien, 800 с.
Заваркина М. В. (2020) «Социализм и Христианство», проблемы атрибуции и публикации замысла Достоевского. Неизвестный Достоевский, № 2, с. 69–97. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4661
Иванов В. И. (1917) Родное и вселенское. М., Изд-е Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 208 с.
Игнатьева А. С. (1998) Литературное наследие Даниила Андреева как единый творческий ансамбль. Урания, № 2, с. 60–62.
Киричук Е. В. (2018) Л. И. Шестов о Достоевском. Ф. М. Достоевский и философская культура русской классики. Омск, с. 63–68.
Майков В. Н. (1982) Нечто о русской литературе в 1846 году. В. кн.: Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. М., Искусство, с. 81–106.

Полонский В. П. (1926) Николай Ставрогин и роман «Бесы». В. кн.: Спор о Бакунине и Достоевском. Статьи Л. П. Гроссмана и Вяч. Полонского. Л., Гос. изд-во, с. 169–196.
Померанц Г. С. (1990) Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М., Советский писатель, 383 с.
Сараскина Л. И. (2013) Достоевский. М., Молодая гвардия, 824 с.
Снигирева С. Д. (2019) Мотив самозванства и сектантский контекст в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Русская литература, № 4, с. 81–91. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-81-91.
Струк А. А. (2019) Восприятие Ф. М. Достоевского в публицистике дальневосточной эмиграции. Филологические науки. Вопросы теории и практики, т. 12. № 12, с. 35. DOI: 10.30853/filnauki.2019.12.6.
Сычева С. Г. (2010) В. И. Иванов о Ф. М. Достоевском и судьбах России. Известия Томского политехнического университета. Сер. Экономика. Философия, социология и культурология, т. 317, № 6, с. 93–96

References

Andreev D. L. (2020) Roza mira [Rose of the world]. AST Publ., Moscow, 896 p.(In Russian).
Belinsky V. G. (1982) Peterburgskiy sbornik, izdannyy N. Nekrasovym ["St. Petersburg collection" published by N. Nekrasov]. In: Sobraniye sochineniy [Collected works]. In 9 vols. Vol. 8. Articles, reviews and notes: September 1845 – March 1848. Ed. by N. K. Gey, article and comments by V. I. Kuleshova. Khudozhestvennaya literatura Publ., Moscow, pp. 481–482 (In Russian).
Dostoevsky F. M. (1972) Polnoye sobraniye sochineniy [Complete works]. In 30 vols. T. 1. Bednyye lyudi. Povesti i rasskazy. 1846–1847 [Poor people. Novelettes and stories. 1846–1847]. Ed. by G. M. Friedlender, noted by T. I. Ornatskaya and G. M. Fridlender. Leningrad Branch of Nauka Publ., Leningrad, 519 p. (In Russian).
Dostoevsky F. M. (1973) Polnoye sobraniye sochineniy [Complete works]. In 30 vols. T. 8. Idiot [Idiot]. Novel. Text prep. by I. A. Bityugova, N. N. Solomina. Leningrad Branch of Nauka Publ., Leningrad, 511 p. (In Russian).
Dostoevsky F. M. (1974) Polnoye sobraniye sochineniy [Complete works]. In 30 vols. T. 10. Besy [Demons]. Novel in 3 pt. Text prepared. by N. F. Budanova. Leningrad Branch of Nauka Publ., Leningrad, 518 p. (In Russian).
Dostoevsky F. M. (2020) Brat'ya Karamazovy [Brothers Karamazov]. In 2 vols. Yurayt Publ., Moscow, vol. 1, 493 p. (In Russian).
Ivanov V. I. (1987) Sobraniye sochineniy [Collection. op.]. In 6 vols. Brussels, Foyer oriental Chretien, vol. 4, 800 p. (In Russian).
Zavarkina M. V. (2020) "Sotsializm i Khristianstvo", problemy atributsii i publikatsii zamysla Dostoyevskogo ["Socialism and Christianity", problems of attribution and publication of Dostoevsky's idea]. Neizvestnyy Dostoyevskiy – Unknown Dostoevsky, no. 2, p. 69–97. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4661 (In Russian).
Ivanov V. I. (1917) Rodnoye i vselenskoye [Native and universal]. G. A. Leman and S. I. Sakharov Publ., Moscow, 208 p. (In Russian).
Ignatieva A. S (1998) Literaturnoye naslediye Daniila Andreyeva kak yedinyy tvorcheskiy ansambl' [Literary heritage of Daniil Andreev as a single creative ensemble]. Urania, no. 2, pp. 60–62 (In Russian).
Kirichuk E. V. (2018) L. I. Shestov o Dostoyevskom [L. I. Shestov about Dostoevsky]. In: F. M. Dostoyevskiy i filosofskaya kul'tura russkoy klassiki [F. M. Dostoevsky and the philosophical culture of Russian classics]. Omsk, pp. 63–68 (In Russian).
Maykov V. N. (1982) Nechto o russkoy literature v 1846 godu [Something about Russian literature in 1846]. In: Russkaya estetika i kritika 40–50-kh godov XIX veka [Russian aesthetics and criticism of the 40-50s of the XIX century]. Text prep., comp., intro. article and notes by V. K. Kantor and A. L. Ospovat. Iskusstvo Publ., Moscow, pp. 81–106 (In Russian).
Polonsky V. P. (1926) Nikolay Stavrogin i roman "Besy" [Nikolai Stavrogin and the novel "Demons"]. In: Spor o Bakunine i Dostoyevskom. Stat'i L. P. Grossmana i Vyach. Polonskogo [The dispute about Bakunin and Dostoevsky. Articles by L. P. Grossman and Vyach. Polonsky]. Gosudarstvennoye izdatelstvo, Leningrad, pp. 169–196 (In Russian).
Pomerants G. S. (1990) Otkrytos'' bezdne. Vstrechi s Dostoyevskim [Openness to the abyss. Meetings with Dostoevsky]. Sovietskiy pisatel Publ., Moscow, 383 p. (In Russian).
Saraskina L. I. (2013) Dostoyevskiy [Dostoevsky]. Molodaya gvardiya Publ., Moscow, 824 p. (In Russian).
Snigireva S. D. (2019) Motiv samozvanstva i sektantskiy kontekst v romane F. M. Dostoyevskogo "Besy" [Imposture motive and sectarian context in the novel "Demons" by F. M. Dostoevsky]. Russkaya literatura – Russian Literature, no. 4, pp. 81–91. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-81-91 (In Russian).
Struk A. A. (2019) Vospriyatiye F. M. Dostoyevskogo v publitsistike dal'nevostochnoy emigratsii [Perception of F. M. Dostoevsky in the journalism of the Far Eastern emigration]. Philology. Theory & Practice, vol. 12, no. 12, p. 35. DOI: 10.30853/filnauki.2019.12.6 (In Russian).
Sycheva S. G. (2010) V. I. Ivanov o F. M. Dostoyevskom i sud'bakh Rossii [V. I. Ivanov about F. M. Dostoevsky and the fate of Russia]. Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Ser. Economy. Philosophy, sociology and cultural studies, vol. 317, no. 6, pp. 93–96 (In Russian).

Информация об авторе

Смагина Анна Андреевна

Аспирант кафедры русской и зарубежной литературы. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, РФ, г. Омск, пр. Мира, 55а). ORCID ID: https://orcid.org/ 0000-0003-2660-7217. E-mail: smaginaanya@mail.ru

Author`s information

Anna A. Smagina

Graduate student of Department of Russian and Foreign Literature. Dostoevsky Omsk State University (55a Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation). ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2660-7217. E-mail: smaginaanya@mail.ru